

Этнокультурная история казаков

Часть III. Славянская надстройка. Книга 3

Александр Дзиковицкий

**Этнокультурная история
казаков. Часть III. Славянская
надстройка. Книга 3**

«Издательские решения»

Дзиковицкий А. В.

Этнокультурная история казаков. Часть III. Славянская надстройка.
Книга 3 / А. В. Дзиковицкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-4483-1700-2

Эта книга охватывает период истории казаков, когда наиболее сильно стало оказывать на его генофонд влияние славянской составляющей, почему вся III часть и названа «славянской надстройкой» в умозрительно выстраиваемом «казацьем этническом доме». В то же время этот период характеризуется тем, что казаки тогда были ещё независимыми, имели суверенную государственность и с Московией общались, как с союзным, но всё же иным государством.

ISBN 978-5-4483-1700-2

© Дзиковицкий А. В.
© Издательские решения

Содержание

Часть III	6
Глава 1. Казаки в период распада золотой орды	7
I. Казаки на московской службе	7
II. Днепровское казачество	9
III. Новгородский корень казачества	13
IV. «И иные баловни казаки...»	15
V. Донское казачество	20
Глава 2. Завоевание Казанского, Астраханского, Сибирского ханств казаками и присоединение их к Московии	25
I. Дон – Москва: причины союзных отношений	25
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Этнокультурная история казаков

Часть III. Славянская надстройка. Книга 3

Составитель Александр Дзиковицкий

ISBN 978-5-4483-1700-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СОСТАВИТЕЛЬ А. В. ДЗИКОВИЦКИЙ

Часть III
Славянская надстройка
(период вольного или допетровского казачества)
издание 2-е, исправленное и дополненное

Глава 1. Казаки в период распада золотой орды (1480 – 1546 гг.)

*С древних пор в Меотиде, в царстве Казар,
в Томаторкани и теперь у Днепра
эти казачьи предки много веков
сожительствоваали и смешивались
со славянами. Поэтому славянский
язык закрепился и среди них...*

Эдуард Дейнекин

І. Казаки на московской службе

В 1500 году началась вторая московско-литовская война. Война эта, с перерывами, продолжалась до 1503 года. С этого времени татарские отряды начинают всё время упоминаться наряду с казачьими. Казаки и татары составляли в частях московских войск лёгкую конницу, действовали всегда под командой одного начальника, но никогда в организации не сливались одни с другими.

Казаки несли службу на московских границах по договорам с князьями, не связанные присягой. Уход их с границ происходил под влиянием различных причин и обстоятельств. Поступая на службу русских князей, сближаясь с русским народом, казаки были неприятно удивлены, поняв «беспредел» холопской зависимости русского народа от верховной власти и стремились избежать такого же закабаления. Опасность превращения в бесправных рабов системы была главной заботой казаков на протяжении всего последующего их сосуществования с Москвой. Сближаясь с русскими князьями, они сумели сохранить и пронести сквозь долгие века свои воинские традиции и стремление к независимости. И потому княгиня рязанского княжества, Аграфена, сестра князя Иоанна, бессильна была удерживать казаков и писала об этом своему брату. На её жалобы князь отвечал грозными грамотами, требуя, «чтобы княгиня запретила уход казаков на юг самодурью, а их бы ты, Аграфена, велела казнити...». Иван III под конец своего правления строго запрещал рязанским казакам ходить на поиски в Поле и наниматься в провожатые иностранных посольских караванов. Такое отношение к ним со стороны московской власти, разумеется, не могло вызывать у казаков тёплых чувств к Москве.

Цель великокняжеского запрещения уходить на Дон, во-первых, была в том, чтобы скопить по южным украинным городкам Рязанского княжества вооружённую силу, готовую всегда дать отпор неприятельским нападениям; а во-вторых, чтобы не допустить беспокойному пограничному казацкому элементу Рязанской области «брататься» в Поле и на Волге с его врагами-ушкуйниками, ушедшими из Хлынова после его разгрома, и тем не усилить на южных окраинах протестующее против его самовластия «молодечество».

Московский самодержец ясно видел, что на Дону под руководством обиженных им новгородцев может образоваться противная ему казацкая община, подобная Хлыновской, которая, войдя в соглашение с ордынскими казаками, господствовавшими у Переволоки, могла бы положить предел его политическим стремлениям и отторгнуть от него населённую беспокойным казачеством Рязанскую область, на которую он имел виды и в которой распоряжался уже по своему усмотрению.

В распоряжении московского правительства состояли городовые, служилые казаки, на которых была возложена охрана границ, и которые своими дозорами связывались с донскими казаками и, таким образом, Москва имела наблюдение через казаков во всей степной полосе вплоть до Крыма.

Слабость Москвы принуждала князей держаться осторожной политики в отношении Астрахани, Крыма и ногайцев, за которыми стояла Турция. Поэтому московские князья строго запрещали казакам без их разрешения нападать на эти орды и требовали поддерживать с ними дружеские отношения. Казачьи пограничные полки находились всё время под контролем московских воевод и карались за нарушения приказаний князя. Царь Иоанн III в своей осторожности не только не решался вступать в открытый бой с татарами, но даже под Казанью, когда казаки самочинно пошли на штурм, увлекая за собой московские войска, захватили город и много добычи, даже тогда он подверг атамана опале.

Казаки хорошо знали психологию азиатских народов, уважающих только силу, и справедливо считали лучшей тактикой в отношении их нападение. Но одной из главных причин взаимных обид было то, что казаки, поступая на службу русских князей, старались сохранить свою независимость и не превратиться в бесправных «холопий» московского князя, в каковом состоянии находился весь русский народ. Живя среди кочевых народов и выйдя сами из них, казаки выработали свой особенный порядок жизни. Военные качества – храбрость, отвага и бесстрашие – составляли главные достоинства человека, и эти качества всячески развивались и поддерживались. Казаки в течение двухсот лет состояли на службе татар Золотой Орды, сжились с их бытом и нравами, закрепили в себе их военную психологию.

Состоя на службе царей-ханов – казаки во внутренней жизни были свободны и пользовались известными льготами. Характер московских князей, начинавших создавать независимое государство, проявлялся в исключительной жестокости. Примером могло служить присоединение Новгорода. В этих условиях казаки неизбежно ощущали себя чужими среди общей покорной и безропотной массы холопов. Даже укрепившееся за ними название «казаки», не служило средством сближения между ними и москвитами, которых разные условия жизни сделали такими непохожими друг на друга...

Потребность в организации вооружённых сил ставила московских князей в необходимость идти на большие уступки казакам и ставить казачьи войска, принимаемые на службу, в исключительные условия. Казачьи войска на службе московского князя сохраняли внутреннее войсковое устройство. Весь командный состав ставился, по установившемуся обычаю, самими казаками; военное обучение и тактика также сохранились привычными казакам. В быту казаки тоже сохраняли полную автономию.

* * *

Одним из трудноразрешимых вопросов при переходе казаков на службу князей было их содержание. Земельные наделы не могли удовлетворять казаков, так как они земледелием не занимались, оно отвлекало бы их от их прямого назначения – военного дела. Постепенно в решении этого вопроса нашёлся компромисс. Казачьи части, поступавшие на службу московского князя, превращались в полки, внутренняя организация которых не менялась. Каждый полк получал земельный надел и жалованье. Служба в полках была наследственной. Казаки пользовались многими материальными и политическими привилегиями, сохраняли право выбора начальников, за исключением самого старшего, который назначался князьями. Принимая эти условия службы, казачьи полки теряли своё название «полков казачьих» и превращались первоначально в части «пищальников», а потом в «полки стрелецкие», а их начальники получили название «стрелецкий голова». Стрельцы на службу князю приносили присягу. Стрелецкие полки – это была первая и одна из лучших организаций нарочитых войск московского государства.

Состав постоянных войск, кроме казаков и боярских детей, стал пополняться ещё одной категорией – дворян. Дворянами назывались слуги княжеского двора и состояли из вольных и несвободных, но, получая от князя земли, они превращались в «вольных» и использовались для формирования войсковых частей. Они по разряду стояли ниже боярских детей и получали меньшие наделы земли.

С развитием вооружённых сил Московского государства развивались и административные учреждения, возникли иноземный, посольский, стрелецкий и другие приказы, ведавшие различными направлениями государственной деятельности. В стрелецком приказе находились дела, касавшиеся стрелецких войск и войск боярских детей, в посольском были дела, касавшиеся казачьих войск.

К концу княжения Василия Иоанновича III (к 1533 году) положение казачьих войск окончательно определилось. Значительная часть их влилась в состав московских владений. Войска вне пределов московских владений были совершенно независимы от Москвы.

II. Днепровское казачество

Польский летописец Мартин Бельский в своей хронике пишет, что в 1481 году, во время похода поляков против татар проводниками поляков были казаки. Старый черкасский город Дверен в Поросье пришёл в запустение в результате татарских набегов на южные рубежи Великого княжества Литовского. Одним из таких разорительных набегов был поход крымского хана Менгли-Гирея на Киев в 1482 году.

Бельский указывает на том же месте по Южному Бугу, где ранее жили бологовцы, казак-христиан, которые хорошо знали свой край и помогли великому князю литовскому Яну Альбрехту побить там татар и продвинуться вглубь Подолии. Они встретили его в 1489 году на той самой земле, где через три года летописцы стали указывать днепровских или запорожских казаков. Отсюда однозначно следует, что бологовцы – это казаки.

Между казачьими городами в Поросье и рекою Тетеревом тянулась пустынная полоса татарского Чёрного Шляха, широкого пути в Европу. Во время Золотой Орды здесь не могла возобновиться никакая-либо жизнь. Плодородные степи лежали пустыней. Украина-русьское население сохранялось только в волыньском Полесье. Когда сюда пришла Литва, то Гедиминовичам за сто лет едва удалось восстановить жилища в разорённом Киеве и в Дольной Руси (Подолье). Литовская пограничная полоса шла от Северщины по рекам Псёлу и Суле до Днепра, потом Тясминскими болотами выходила на линию речки Синюхи (Синие Воды), впадающей в Южный Буг, а оттуда пересекала степь к Днестру. Южнее этой линии лежал улус крымского хана.

В 1491 году на галицком Подолье произошло восстание селян против шляхты. Кромер и Бельский свидетельствуют, что во главе восставших был казацкий атаман Муха.

В распадавшейся Золотой Орде значительно дольше других казаков оставались верными своим правителям днепровские казаки при крымском хане. Ханские подданные казачьей народности составляли три общины: оседлую – за Поросьем в днепровско-бугском клину; полуседлую Перекопскую и кочевую Белгородскую. Первая оставила хана Менгли-Гирея в 1492 году, сразу после того, как он признал власть турецкого султана. Вскоре после этого оставили своих ханов ордынские казаки из Астраханского и Казанского царств. Казаки ушли на окраинные земли Великого княжества Литовского и продолжили войну с турками. Оставшись среди днепровских казаков и после отхода их от крымского хана, крымские аланы принесли в их среду чистый нордический тип, сохраняющийся до сих пор у некоторых их потомков.

В конце XV века на свои бывшие земли, ставшие к этому времени польско-литовской Украиной, возвращаются почти все черкасы, которые вели оседлый образ жизни за Поросьем,

в днепровско-бугском клине. С этого времени черкасские казаки становятся известны в Польско-Литовском государстве и фигурируют в письменных источниках, связанных, в частности, с городом Черкасы.

Немного позже приняли решение уйти с насиженных мест и полукочевые перекопские (низовые) черкасы-казаки. Часть из них ушла на «украину» (окраинную территорию), другая часть попыталась закрепиться в районе днепровских порогов, где и стали родоначальниками будущей Запорожской Сечи.

На Днепре черкасы теперь служили польско-литовским князьям, защищая южные границы их владений от набегов кочевников. С того времени они стали именоваться кроме черкасов ещё и запорожскими казаками. В конце XV века с днепровско-бугского клина, то есть с юртов, расположенных за Поросьем и за порогами, ушли на север тысячи казачьих семей. Они разместились на Литовской «украине», где некогда проживали чёрные клобуки, вдоль рек Рось и Сула. По словам историка А. И. Ригельмана, польско-литовский король Сигизмунд I, «при даче им земель», «одарил их вольностями и разными преимуществами и на то привилегией своею им подтвердил». Это пограничье древней Руси до татарского завоевания находилось во владении чёрных клобуков – черкасов. До Люблинской унии (1569 г.) казаки оставались на Днепровском Левобережье почти единственным населением и потому край стал известен на Руси, как «Земля Запорожских Черкасов».

Выгоды положения под покровительством христианского короля перекопские казаки на примере посульских вскоре увидели. Ригельман пишет: «Сему приревновали отошедшие низовые козаки. Они стали приобщаться к украинским и отдавались под Хетманское правление, и по привычке к воинским делам от татар делали, вообще, великие услуги Польше». За всеми казаками, расселившимися на Литовской «украине», сохранялось прозвище запорожских, хотя они теперь обитали много выше порогов. Таким образом, хоть и несколько позже поросских, перекопские и белгородские казаки, ещё несколько лет делавшие набеги на Польшу, в начале XVI века также порвали с крымскими ханами.

При этом следует отметить одну специфическую особенность ухода казаков от крымского хана: Крым не считал разрыв служебных отношений со своими ордынскими казаками за повод для лишения их прежнего юрта. В ордах бунтовались не один казаки, но при этом мятежные улусы редко покидали старые кочевья. При желании крымский хан мог бы легко принудить 3 – 4 тысячи низовых казаков уйти из-за порогов. Свидетельством этому может служить неудачная попытка князя Дмитрия Вишневецкого утвердиться там же на Хортице. Его изгнали турки и татары, оставив в покое низовцев в укрепленной Сечи на острове Базавлуке. Ясно, что татары с помощью турок могли изгнать и их.

Название укрепленного поселения на Днепре ниже порогов было «Запорожская Сечь», но под этим именем понималась и вся Казачья Низовая Республика по той причине, что в этом поселении было сосредоточено управление всем краем.

Образ взаимоотношений Сечи с Крымом остаётся туманным. Во всяком случае, до середины XVI века между ними не заметно постоянной враждебности. Немилосердно разоряя окраины Польши, Литвы и Московии, татары терпели на своём пути вооружённую Сечь, и это дало возможность казачьему Низу настолько окрепнуть, что после, когда пришёл окончательный разрыв со всем мусульманским миром, Крым уже не был в состоянии справиться с сильной Низовой Республикой.

Расселившись по окраинам Литвы и приняв покровительство польско-литовского короля, запорожские казаки не прерывали связей со своей низовой братией. Каждое предприятие, задуманное за порогами, тотчас же находило отклик и поддержку на реках Роси и Суле. Услышав о проекте нового похода на турок, тысячи казачьей молодёжи спешили на Низ для того, чтобы в знаменитой Сечи заслужить звание знатного «товарища сечевого братства».

Белгородские казаки не захотели оставаться при Литве, так как ещё недавно обижали её население своими набегами. Они отошли к границе московской и вместе с азовскими дали начало возрождённым донским казакам. Все они ушли от хана значительно отатаренными, а некоторые, судя по имени, стали мусульманами.

Так как в Литве не было постоянного войска, то приграничные со степью каневский и черкасский старосты старались воспользоваться храбростью и опытностью казаков в военном деле для охраны границы от татар и турок, образуя из них правильно организованные и вооружённые околицы, роты и сотни; в усиление черкасам сами поощряли мещан и крестьян поочерёдно посылать из своей среды в степь варту и всех таких людей освобождали от податей. Главными сборными местами для украинских казаков сделались старые черкасские (черноклобуцкие) городки – Канев и Черкасы. Иногда сами старосты становились во главе казаков и вели их в поход, громили татарские загоны, били турок под Очаковым и брали огромное количество скота и коней.

Все первые организаторы казачьих походов и ходатаи их перед королём не были настоящими атаманами. В каждом отдельном случае они являлись только временными вождями-предпринимателями, снабжая казачьи походы из своих обильных средств и пользуясь соответственной частью добычи. К тому времени степной промысел в таких формах был освящён уже многовековым обычаем, причём лучшими инициаторами предприятия всегда считались знатные люди со средствами и связями. Из таких старост особенно прославился, как казацкий предводитель, «знаменитый казак» Евстафий-Остап (Остафий) Дашкович (из рода богатого пана Дашка Ивановича). Напомним, что чёрные клобуки в Киевской Руси сотрудничали с отдельными князьями, а до Ланцкоронского, Вольского и Дашковича ту же роль выполняли крымские царевичи Алик и Алп.

Социальные антагонизмы в ту пору у казаков ещё не проявлялись. Поэтому они легко сходились с лицами, пользовавшимися во внешнем мире большим авторитетом. Участие титулованных магнатов придавало набегу окраску государственной целесообразности, на них ложилась ответственность за каждое боевое дело, они сами ликвидировали все возникавшие недоразумения.

* * *

За службу по охране границ польский король Сигизмунд I пожаловал черкасам в 1505 году для поселения земли в Киевском и Брацлавском воеводствах. Грамота эта была выдана «первому казацкому атаману» Дашковичу, соединившему в одно целое разрозненные казацкие общины. В междуречье Сула – Ворскла в конце XV – в начале XVI веков повсюду вдоль берегов степных рек тянулись промысловые «уходы» днепровских и северских казаков, которые первыми заселили покинутый татарами край, когда откололись от крымского хана. Их право на эту землю признал великий князь литовский Сигизмунд I своим привилеем (декретом) в 1506 году. С этого времени берега реки Сулы входили в состав «Земли Запорожских Черкасов, которую в некоторых случаях называли также „Украиной Малороссийской“». Казаки, жившие здесь особым строем военных общин, не только освобождались от всяких податей и тягловых повинностей, но и не подлежали власти наместников-старост, даже в тех случаях, если бы оказались окружены личными владениями великого князя и короля – «крулевщицнами». С XVI века Запорожье стало принадлежать татарам только формально.

Польский рыцарь знатного рода Предслав Ланцкоронский, шляхтич герба «Задора» и зять князя Острожского, в рыцарском искусстве практиковался за границей и отбыл паломничество в Святую Землю. Ланцкоронский был также свойственником короля Александра. Вернувшись домой в начале XVI века, он получил от великого князя литовского привилей на староство Хмельницкое в верхнем течении Южного Буга. Здесь, в степях, оказалось много казаков, часть из которых проживала в этой местности уже века, а другая только недавно пришла сюда, покинув крымских ханов. Деятельность Ланцкоронского относится

к 1512 и последующим годам. Он предводительствовал «низовым запорожским казачеством», а потому считается первым основателем Запорожья.

Изгнанные турками из Азака казаки ушли на Днепр, на литовскую границу, и в 1515 году вместе с белгородскими поступили на службу к литовско-польскому королю Сигизмунду и получали от него сукна и деньги, что очень беспокоило московского великого князя Василия III. Написав об этом послу Василию Коробову, бывшему на пути в Азак, великий князь велел ему просить турецкого султана, чтобы он запретил казакам из Азака и Белгорода ходить на службу к его недругу, королю польскому и литовскому. Коробов донёс, что, по объяснению турецкого посла грека Камала, ехавшего вместе с ним в Царьград, казаки эти ходят в Литовскую землю без ведома султана.

Совместно с казаками Ланцкоронский организовал несколько военных предприятий против турок: в 1516 году подходил с ними под Белгород (Аккерман). В том же году новый крымский хан Махмет-Гирей оправдывался перед польско-литовским королём, утверждая, что белгородские казаки, напавшие на Польшу, не слушают его приказов и избрали себе вождём его врага царевича Алика. По польским летописям эти «белгородские молодики» считались самыми отчаянными «молодцами» и отличались особенным, им одним свойственным стрижением головы: «оставляя на макушке чуб, закручивают его за ухо».

При «атамане» Ланцкоронском король Сигизмунд I дозволил казакам селиться и выше порогов, где ими были построены укрепленные городки. Права и вольности черкасского казачества, касавшиеся главным образом «низового запорожского», были расширены в 1516 году. За казаками «низовыми» были закреплены все земли, лежащие вниз по Днепру и Бугу до лиманов: «як из вигов бувало по Очаковские улуси; и в гору реки Богу (Бугу) по речку Синюху. От Самарских же земель (Самарь – старинный запорожский городок на Днепре) через степь до самой реки Дону». Запорожцы при гетмане Ланцкоронском фактически уже владели как низовьем Днепра, так и Дона, где они имели свои зимовища, а потому нет ничего невероятного в том, что город Черкасск на Дону был ими основан в этот же период времени и, быть может, на месте древнего города Орна. Существует историческая версия, что черкасы, осев и основав на донском острове станицу Черкасскую в честь их родного Черкаска, назвали её «запорожским корнем на серебряном блюде Дона». И потому с тех пор низовое донское казачество так и зовут: «черкаса».

Низовые донские казаки (черкаса) в своей массе черноволосы и смуглы лицом, подвижны и характера веселого. Верховые казаки (чига) в своём большинстве русоволосы и светлоглазы, в них более отчётливо видна славянская «кровь». В своём гуторе низовые «якают» – мяня, лятучкя, зялязо (железо). Верховцы более умеренные, спокойные и замкнутые. Они по-московски «акают»: чаво, мароз, павозка, пашаница.

В 1527 году казаки, проживавшие на днепровских островах, «чиня большие шкоды кочевьям перекопского хана; раз поймали крымских купцов тридцать человек и убили их за то, что они взяли литовских пленников, купленных ими в Москве».

В ответ на это крымский хан Саиб-Гирей жалуется польскому королю Сигизмунду I: «Приходят к нам каневские и черкасские казаки, становятся под улусами нашими на Днепре и вред наносят нашим людям; я много раз посылал вашей милости, чтоб вы остановили их, но вы их остановить не хотели. Я шёл на московского князя, 30 человек за болезнью вернулись из моего войска; казаки поранили их и коней побрали. Хорошо ли это? Черкасские и каневские власти там пускают казаков вместе с казаками неприятеля твоего и моего, московского князя, под наши улусы и, что только в нашем панстве узнают, дают знать в Москву».

В 1528 году Ланцкоронский с казаками атаковал турок под Очаковом. Много лет Ланцкоронский был влиятельным ходатаем по казачьим делам перед королём польским и великим князем литовским: благодаря его стараниям за казаками признано было право на добавочные земли по рекам Рось и Сула и установилась традиция непосредственных и регулярных сноше-

ний между казаками и польско-литовскими монархами через близких к трону лиц. Эта традиция позднее вылилась в институт казачьих гетманов, подчинённых непосредственно королю. Ланцкоронский умер в 1531 году.

О том, что военный потенциал казаков можно использовать с ещё большей выгодой, первым высказался каневский и черкасский староста Остафий Дашкович, который в 1533 году в письменном виде изложил польскому королю свой проект обороны восточной границы Речи Посполитой и создания регулярной пограничной службы. Остафий Дашкович предлагал возле татарских речных переправ учредить постоянные патрули на лодках-чайках, а также выдвинуть глубоко в степь крепости и казацкие дозоры. Позже некоторые идеи Дашковича польский Сейм использовал при учреждении так называемого реестрового казачества.

Остафий Дашкович уже в 1538 году предложил королю устроить на каком-нибудь Днепровском острове за порогами замок с 2-тысячным казацким гарнизоном; но дело тогда почему-то не состоялось.

III. Новгородский корень казачества

На Волге разбойничали свои «казаки» – новгородские ушкуйники. По свержении татарского ига Иван III обратил внимание на хлыновских ушкуйников, беспокойный и неподвластный ему народ, и в 1489 году Хлынов был взят и присоединён к Москве. Разгром Хлынова сопровождался большими жестокостями: главные народные вожаки Аникиев, Лазарев и Богодайчиков были в оковах приведены в Москву и там казнены; земские люди переселены в Боровск и в Кременец, а купцы в Дмитров; остальные обращены в холопов.

Но самый свободолюбивый и беспокойный элемент этого народа ни за что не хотел покориться Москве. Массовые переселения ушкуйников в другие земли были вызваны и другими подобными историческими событиями конца XV века (разгром и присоединение к Москве Новгородских, Тверских, Вятских земель). Переселенцы из Новгородских земель двинулись как на крайний север (Поморье), так и на далёкий юг ранее разведанными путями. После разгрома Хлынова часть его граждан ушла на Северную Двину и Каму. Ушедшие вверх по Каме новгородцы-ушкуйники основали город Елабугу среди покорённых ими вотяков.

Множество этих удальцов со своими жёнами и детьми на судах спустилось вниз по Вятке и Волге и укрылось в малодоступном и диком краю. Здесь они могли поселиться только в таком месте, где бы могли добывать средства к существованию, то есть иметь торговые сношения, запасы хлеба и огнестрельные снаряды. Ниже нынешнего Камышина до Астрахани кочевала Золотая Орда. Пространство, занимаемое впоследствии Камышином, было самое удобное и безопасное. Здесь и появились первые становища хлыновских ушкуйников. Торговые караваны давали случай этой вольнице приобретать «зипуны», а пограничные городки враждебных Москве рязанцев служили местом сбыта добычи, в обмен на которую можно было получать хлеб и порох.

Иван III, зная предприимчивый характер этой удалой вольницы, поселившейся за пределами его владений, зорко следил за движениями этой горсти людей, не пожелавших ему подчиниться. И Иван III не ошибся, придавая в своих политических соображениях большое значение новому, поселившемуся на границах Рязанской области враждебному ему элементу.

В той же первой половине XVI столетия укрывшаяся на Волге удалая вольница – бывшие хлыновские ушкуйники – перешла волоком на Иловлю и Тишанку, впадающие в Дон, а потом, при движении в низовья Дона с Днепра азовского, запорожского и северского казачества, вместе с ним смешавшись, расселилась вплоть до Азака. Некоторые донские казаки выводят свой род именно от этих вятских ушкуйников-хлынов. Как обычно в таких ситуациях, в жёны беглые хлыновцы-вятичи брали дочерей местных степняков, отчего их потомки заметно потем-

нели, но сохранили христианскую веру и привычку к передвижению по рекам, которая была у их отцов и дедов.

Черкасы запорожские и киевские, казаки белгородские и севрюки, а в особенности старые казаки-азакцы, проводившие целые века в битвах с неверными, не отличались культурностью и домовитостью, между тем новгородцы считались лучшими плотниками на всём пространстве тогдашней России. Новгородцы считались мастерами при возведении церковных деревянных построек как в северных областях, так и по Дону. План и фасад этих построек был свой, особенный, древнеславянский, ничего общего с византийским стилем не имеющий. Они-то, выходя из Новгорода, первые и стали строить укрепленные городки на всём протяжении среднего и нижнего Дона – Раздоры Верхние и Нижние, при устьях Маныча и в других местах. К ним скоро прикошевали другие казацкие общины с Днепра, верховьев Северского Донца, рязанских украин, а потом казаки азакские, самые бедные и бездомовные, образовав на окраинах казачьих городков присёлки – хазовки.

Таким образом, возможно, хлыновцы положили основание «Войску Донскому» с его древним вечевым управлением. Казаки-новгородцы на Дону – самый предприимчивый, стойкий в своих убеждениях, даже до упрямства, храбрый и домовитый народ. Присутствие новгородского элемента в донском казачестве долго сказывалось в архитектуре построек церквей, часовень, народной орнаментации, нравах, обычаях, суевериях, свадебных обрядах, говоре и многом прочем.

Сопоставляя религиозно-бытовые обычаи церкви новгородско-донской с церквями азовской и московской, куда греческие церковные обряды перешли целиком, можно видеть, кто были первые насельники по запустелому и безлюдному среднему Дону в середине XVI века, навязавшие остальному казачеству свой древний своеобразный взгляд как на религию, так и на внутреннее управление общины. Греческий церковный устав и греческие церковные обряды среди казачества в том его составе, в каком мы его встречаем на Дону в XVI веке, имели очень незначительное влияние, но зато там стали господствовать церковно-народные обычаи новгородцев, занесённые туда из Хлынова и других областей великой новгородской земли, как более всего отвечающие народно-вечевому правлению.

Кроме Дона местом нового жительства ушкуйников стал Северный Кавказ. Своеобразным воспоминанием о прибытии их на Терек можно считать ежегодно совершаемый обряд «пускания кораблей», распространённый в гребенских станицах. В позднесредневековых склепах Ингушетии Е. И. Крупновым были обнаружены «вятические» подвески. Примечательно, что в гребенских былинах совершенно нет упоминаний о борьбе с монголо-татарами.

Важнейшим показателем материальной культуры народов является жилище. В гребенских станицах, как и в северной зоне, было распространено срубное строительство. Жилище казаков поднималось на столбах на 1,5 — 2 метра от земли и имело высокое крыльцо. Эту «приподнятость» исследователи объясняют как влиянием природных факторов (сырые почвы, наводнения), так и этнических (севернорусских традиций). Поскольку лесов в Притеречье было немного, это приводило к дороговизне строительного материала. Выход был найден в следующем: брёвна распиливали и их круглые бока помещали на наружную сторону. Не заставило отказаться от традиции и то, что такие жилища в условиях Притеречья продувались, требовали большого количества топлива. В них жили только летом, хранили скарб, принимали гостей, использовали в дни праздников, похорон, свадеб. Они считались обязательными, хотя большую часть времени семья проводила в турлучных и саманных постройках.

Бревенчатые дома завершала крыша с резным коньком, окна также были резными. Примечательно, что подобный тип жилища был занесён и в Сибирь выходцами из Европейского Севера.

Среднесевернорусским оставался и план гребенской избы (печь помещалась справа от входа, а по диагонали от неё находился киот с деревянными иконами и литыми медными

складнями). И это коренным образом отличало её от плана куреня донских азов. Сходными с северными были представления о домовом, обряды, связанные с переходом в новый дом.

Историческая основа говора гребенцов — северная, поскольку в их языке присутствуют севернорусские черты и отсутствуют южнорусские. На Кавказ они пришли с оканьем (хоровод, помочи и прочее), которое здесь отмирало.

Гребенцы не имели традиционных для южных русских представлений о леших и русалках. Они верили в лабасту, нагую женщину с отвислыми грудями, закинутыми на спину, которая безобразна, наводит страх на людей, живёт в болотах, омутах, захватывает идущих мимо и шекочет, иногда до смерти. Подобные представления о страшных косматых женщинах с большими отвислыми грудями, которые живут в водоёмах или лесах, характерны для северных русских. Их называли водяными чертовками, слово русалка здесь не было известно. У гребенцов, по-видимому, «северный» образ под влиянием кавказских соседей-тюрков (аланов) стал именоваться лабастой (от тюркского «албаслы», злой демон женского пола).

Ещё больше параллелей мы находим в обрядовой практике гребенцов и северных русских. Важнейшей отличительной особенностью севернорусской свадьбы являлся так называемый свадебный плач. У гребенцов также за семь дней или накануне свадьбы невеста садилась в угол и оплакивала свою долю. Определённое сходство прослеживается и в других элементах свадебной обрядности гребенцов и «северян». Поморье и Терское левобережье имеют и другие черты сходства. Так что делать вывод о большом, если не решающем вкладе новгородских ушкуйников в становление гребенской общности казачества Северного Кавказа мы имеем полное право. Хотя, конечно, не настаиваем: мы даём лишь повод к размышлению.

IV. «И иные баловни казаки...»

С 1491 года казаки известны в царстве Казанском, тогда же упоминаются и казаки мещерские (или городецкие).

Под 1492 и 1493 годами летопись говорит о «казаках ордынских», неожиданно пришедших в Рязанскую землю и взявших три села. Эти «ордынские казаки» в летописи названы татарами. В последующих веках они наводили страх на купеческие и посольские караваны по Дону близ Переволоки и по Нижней Волге.

В конце XV века по берегам Дона от устья реки Хопра вниз до реки Аксая, на протяжении более 850 километров, были рассеяны на различном расстоянии казачьи городки и зимовища. Несколько подобных селений находились ещё и по реке Северский Донец. Остальное пространство между этими двумя реками оставалось незаселённым.

Городки и зимовища отличались между собой. Первые являлись постоянными жилищами, а вторые составляли временный и преимущественно зимний приют, где бездомные казаки проводили зиму в шалашах и землянках, а с наступлением весны уходили на военные поиски. Городки сооружались для защиты от неприятельских набегов. В городках жили общества казаков в избах или в землянках.

В конце XV – начале XVI веков город Азак служил передаточным пунктом для приёма и отправки турецко-русских послов. Вокруг порта, у самого берега Дона была отстроена крепость; её охранял сильный турецкий гарнизон; в посаде проживали прежние жители – «азакцы» из оседлых ордынцев, местные татары-земледельцы, купцы со своими лавками и некоторые азовские казаки (азак).

В ранний период своего существования большинство казаков ограничивалось при заключении брака одним объявлением перед народом об избранной ими жене. Для этого жених и невеста приходили вместе на собрание народа на площадь или к станичной избе. Помолясь Богу, кланялись они на все четыре стороны, и жених, назвав невесту по имени, говорил: «Ты будь мне жена». Невеста, поклонившись ему в ноги, отвечала так же, называя его по имени:

«А ты будь мне муж». После этих слов они целовали друг друга и принимали от всего собрания поздравления. Утверждённое таким образом бракосочетание считалось законным. Этот обряд в старину был всеобщим у казаков. Даже после распространения церковного обряда бракосочетания казаки предварительно исполняли свой старинный обычай.

Насколько легко по обычаям казаков заключался брак, настолько же быстро брачный союз расторгался. Отправляясь в дальний поход или просто под предлогом, что жена ему не нравилась, лихой молодец обычно бросал свою землянку, а жену продавал. Для этого жену выводили на круг и говорили: «Не любя!». Если кому-то она нравилась, то продавали её, слегка поторгавшись. Очень часто уступали жену за харчи, нужные в походе, притом в таком количестве, сколько можно навьючить на лошадь, не обременяя своего верного спутника. Купивший отказную жену прикрывал её полою кафтана и соблюдал вышеописанный обряд, то есть говорил перед народом: «Ты будь мне жена» и так далее. Прикрытие полою казаки считали важным символом. Это означало снятие с отказной жены бесчестия развода. Бывало так, что за своеобразным разводом практически сразу следовал новый брак.

Эти простые брачные обряды, тем не менее, соблюдались очень строго. Сожительство без выполнения описанного обряда порою наказывалось лишением жизни, ибо считалось прелюбодеянием.

Власть мужа над женой была неограниченна. Это являлось одной из черт народного духа. Тем самым прелестный пол долгое время не имел сильного влияния на уклад жизни казаков, на смягчение их нравов. Женщины в своей жизни ограничивались кругом семьи и редкими знакомствами с соседками. Они не имели права участвовать в беседах и делах мужчин. Однако, нельзя сказать, что они были закабалены.

* * *

В 1502 году крымский хан Менгли-Гирей нанёс решительное поражение хану Золотой Орды Шейн-Ахмату, разрушил Сарай и окончательно покончил с Золотой Ордой. После этого поражения Золотая Орда прекратила свое существование. С этого времени казаки, покидая службу на границах рязанского и других русских княжеств, стали уходить в степи и занимать свои прежние, когда-то покинутые места. Уход казаков обнажал границы и оставлял их без наблюдения и защиты со стороны степи.

С 1502 года упоминаются казаки в слабом царстве Астраханском, образовавшемся вместе с независимыми ногайскими ордами на развалинах Золотой Орды.

Поля вокруг древней казачьей столицы Азака засеивались хлебами кругом на расстоянии 10 километров, а дальше в степях Приазовья располагались юрты кочевых азаков (азовских казаков), которые время от времени вместе с ордынскими казаками совершали нападения на московские окраины, посольские караваны и на крымских татар, чем вызывали недовольство султана. В 1502 году султан приказал крымскому хану Менгли-Гирею: «Всех лихих пашей казачьих и казаков доставить в Царьград». В 1503 году хан выступил с крымскими татарами против казаков, живших в Приазовье, и занял Азак. Азакские казаки были вытеснены из пределов Азака и устья Дона и двинулись вверх по Дону.

По течению Дона в это время освобождались земли от схлынувшего из-за сумятиц населения, на которых столетиями жили казаки. В начале XVI столетия казацкие товарищества уже сновали по всем направлениям от Волги до Днепра, высматривая неприятеля и следя за его движениями. При слиянии Дона и Северского Донца и обосновалась часть казаков, вытесненная из Азака и Таврии. Здесь они основали свои вольные городки с центром в Раздорах.

Часть азакских казаков, до этого обретавшихся на Северном Кавказе со времён нашего монголо-татар, к 1505 году, рассорившись с турками, перекочевала в Северщину к реке Десне. Сюда же от турок пришли казаки белгородские. Здесь азакцы и белгородцы объединились в одну общину.

* * *

Со стороны Волги, по левому побережью Дона до устья Хопра кочевали ногайцы. Вся степная полоса к западу от Дона была свободна от кочевников и превратилась в «Дикое Поле», страшное для невооружённого человека. «От казака страх на Поле», – писал Иоанн III крымскому хану Менгли-Гирею в 1505 году. И действительно, казачество вело военные действия с южными соседями так, как это было издревле заведено в Поле, не считаясь в своих действиях ни с политикой Москвы, ни Крыма, ни турок.

Но одной из прочных связей донских казаков, гребенских и яицких с московским княжеством была церковная. Казаки в церковной иерархии входили в состав епархии епископа, переселившегося из центра Золотой Орды – Сарая – в московские пределы и находился под властью митрополита Всея Руси. На протяжении следующих веков казаки состояли в постоянной переписке с Москвой и эволюция русского языка московских и донских писцов шла совершенно одинаково.

Границы донских казаков с московскими владениями остались те же, которые были указаны Сарско-Подонской епархией, митрополитами Феогностом и Алексеем в XIV столетии и проходили по рекам Хопёр и Ворона. Между границами московских владений и землями донских казаков лежали большие пространства пустынных земель, и связь поддерживалась только дозорами городских казаков, спускавшихся до пределов донских казаков. В значительно большем напряжении находилась часть низовых казаков. Ближайшей угрозой для них было Крымское ханство и Малая Ногайская Орда, кочевавшая между устьями Дона и Кубани.

Крымские ханы уже не были достаточно сильны для того, чтобы уберечь на Донце свои права и рекою завладели казаки. Вскоре казачье племя сары-азман, выделившееся из среды азакских или белгородских казаков, спустилось к берегам Дона. Ногайцы увидели в этом действия, направляемые Москвой, куда и посылали свои протесты. Они называли пришельцев «севрюками», но наравне с этим к ним применяется имя «сары-азманов» и «казачьих». В сары-азманах видна сущность турано-аланская. «Азманы» очень часто встречаются в скандинавских преданиях IX века, как древние жители Дона (Танаквиса). Придя на Дон, сары-азманы, очевидно, представляли собою давно законченный сплав асов-аланов. Они положили начало возрождению казачьей жизни на Дону, но их племенное имя вскоре вышло из употребления, а восторжествовало единое для всех обитателей Дона имя – казаки. Исчезли также и иные названия и прозвища: бродники, козары, торки, берендеи, чёрные клобуки и тому подобные. Дольше других держалось принятое у русских наименование «донские черкасы».

Разрозненные в своём расселении, донские казаки оказались в военном отношении настолько сильными, что могли вести успешную войну против врага, от нападений которого Литва, Польша и Москва были бессильны защищать границы своих владений. Это были сильные и хорошо организованные казачьи войска. Казаки, несмотря на отсутствие военной помощи со стороны Москвы, Литвы и Польши, и даже при их противодействии, имели достаточно сил и средств для отражения нападений своих соседей. Считая лучшей обороной наступление, казаки предпочитали наступательные действия.

Жалобы Турции, Крыма и ногайцев на разбои казаков, начиная с первых лет XVI столетия, не прекращались, что в значительной степени отражалось на их отношениях с Москвой. Но и робкие попытки вмешательства во внутренние дела казаков со стороны приводили к тяжёлым раздорам и резкому противодействию этим требованиям.

Гребенские казаки вели войны против ногайцев и черкесов, яицкие – против ногайцев и кыргызов, нападали на Сарайчик, превратившийся в центр Большой Ногайской Орды после распада Золотой Орды. Войны казаками велись повсюду.

С 1515 года появляются на исторической сцене казаки белгородские, стан которых располагался близ Аккермана, у Днестровского лимана, у чуваш, черемис, мордвы, в Соловках при архимандрите Филиппе, впоследствии митрополите московском, и в других местах. Белгородские и азакские казаки заняли совместно кочевья в лесостепи и в 1518 году договорились

с московским князем Василием о боевой ему помощи. С этого же времени Северский Донец стал служить перевалочной базой для казаков, возвращающихся отовсюду на Землю Отцов. Покидая Крымскую Орду, Литву и Московию, они начали сходиться на его берегах.

Казаками, возвращающимися на Дон после полуторавекового пребывания на чужой земле, был построен в дельте Северского Донца городок, названный почему-то Раздоры. От самого его основания и до 1622 года здесь находился центр казачьего речного государства, возродившегося на Дону. Здесь собирались Круги, помещалась администрация и Главная Квартира Войска.

Система общественной власти и поддержания порядка у казаков долгое время носила ярко выраженный отпечаток древних кочевниче-племенных традиций. Вообще, надо отметить, все вопросы казаки решали «демократически-анархическим» путём. Может быть, именно потому и получил название городок Раздоры – по причине проведения здесь войсковых Кругов? Собирались казаки или по заранее полученному извещению, или по сполуху (по срочному призыву) на площади возле Войсковой Избы. Когда собиралось много народа, войсковой атаман, окружённый начальниками и бывальыми людьми, выходил на Круг. Перед ним шли войсковые есаулы и выносились войсковые регалии. Сам атаман нёс булаву в руках (знак его власти). Выйдя из Избы, он останавливался посредине общего скопления народа. Есаулы, положив свои жезлы и шапки на землю, читали молитву и кланялись вначале атаману, а потом на все четыре стороны казакам. После этого они брали свои жезлы и шапки, подходили к атаману и, получив от него приказание, провозглашали: «Помолчите, атаманы-молодцы и вся Великая Войска Донская!». Затем есаулы объясняли суть дела, по которому собрался Круг. В конце своей речи они вопрошали: «Любо ли вам, атаманы-молодцы?». В ответ со всех сторон казаки кричали: «Любо» или «Не любо». В последнем случае атаман сам ещё раз объяснял дело, толковал его пользу, склонял к своему мнению. Однако, его разъяснения не всегда убеждали казаков. Воля войскового Круга становилась окончательным решением. Иных законов донцы не знали, а письменных законоустановлений у них не существовало. Все дела решались по большинству голосов.

Судебные приговоры Круга исполнял войсковой есаул. Он приходил к осуждённому и объявлял ему, что Войско требует его головы, руки или ока. Казнь совершалась немедленно. Вообще, два войсковых есаула заведовали войсковыми доходами, своеобразной донской полицией, казнями и охраной столичного городка.

При сборе в поход войсковые начальники старательно стремились скрыть намерения донских казаков. Для этого решения на Кругу принимались в обобщённой форме: идти на море или идти в поход. При таком решении скрывалась не только военная тайна, но и истинные намерения руководителей Войска.

Избрание войсковых атаманов и других предводителей протекало шумно и довольно редко обходилось без драки. Здесь всякий хотел настоять на своём. Необходимо было большое искусство и гибкость характера, чтобы обуздать страсти, чтобы склонить большинство народа в свою пользу.

Сменяемый атаман, сняв шапку, кланялся казакам на все четыре стороны, а потом смиренно клал булаву на стол, поставленный посредине Круга. Вновь избранный атаман, приняв булаву из рук есаула, также кланялся, благодарил за честь и клялся атаманам-казакам не щадить жизни для отечества и радеть об общем благе.

Провинившиеся казаки, осуждённые или как-то наказанные, в голосовании не участвовали. Им прощали вину с условием её возмещения кровью в каком-нибудь отважном мероприятии. Эти преступники назывались пенными. Они по приговору Круга как бы лишались права гражданства. Их любой мог бить и грабить, не опасаясь при этом никакого наказания в Войске.

* * *

На посольский караван Алакоза у Переволоки напали астраханские наездники, много людей, турок и русских, побили, а других забрали в плен. Путь по Дону для торговли и посольских караванов сделался совсем непроходимым. В 1521 году послу Тредьяку Губину, отправленному в Турцию, дан был наказ договориться: «как послам и гостям от обеих сторон по Дону бесстрашно ходить».

Последствия этих переговоров неизвестны. Только мы знаем, что приехавший с Губиным в Москву турецкий посол Скиндер отпущен был уже в 1524 году не Доном, а через Путивль, так как пронеслась молва, что он хочет осмотреть на Дону место для постройки города, а это, видимо, было крайне нежелательно для московитов. Донской путь так и остался небезопасным для сообщения с Азаком. В Поле по-прежнему носились лёгкие казацкие отряды запорожцев, белгородских и азакских казаков, сталкивались на поречьях Дона с ногаями, астраханцами и крымцами, отбивали у них пленных и в свою очередь прельщались товарами русских и магометанских купцов. Время было своевольное и безначальное. Азакские, ногайские и астраханские наездники соединялись с крымцами и господствовали на всём протяжении донского Поля.

Среди донских казаков была сильная прослойка населения татарского происхождения, хотя дать точное определение такому понятию затруднительно. Во время княжения Василия III среди атаманов были известны многие с татарскими именами, в большем количестве среди верховых казаков. Со времени распада Золотой Орды и перехода казаков в положение независимого быта, татары и казаки сильно перемешивались. Но ко времени начала царствования Иоанна Васильевича во главе донских казаков, как верховых, так и низовых, становятся известными атаманы исключительно с русскими именами.

В 1538 году мирза Приволжской Ногайской Орды Кель-Магмет жаловался в Москву на обиды, чинимые ему городецкими, мещерскими и другими казаками. Боярская Дума именем царя уклончиво отвечала ему: «на Поле ходят казаки многие – казанцы, азовцы, крымцы и иные баловни казаки, а и наших украин казаки, с ними смешавшись, ходят. И те люди, как нам, так и вам, тати и разбойники; а на лихо их никто не учит: сделав какое лихо, разъезжаются по своим землям». Бессильная в то время Москва иначе и не могла ответить, а потому всегда прибегала к такой двойственной политике, втайне радуясь успеху казацкого оружия. Это, так сказать, были первые, нерешительные наступательные действия необъединённого ещё восточного казачества.

До середины XVI столетия Дон ещё представлял арену для казацких турниров с астраханскими и крымскими наездниками, с переменным счастьем для тех и других. В целом, можно сказать, черкасское, северское, белгородское и старое азакское/азовское казачество в этот период времени хранило грозное молчание и только соединилось в одну общую семью, чтобы вскоре одним дружным натиском дать отпор сильному и зазнавшемуся врагу. Эта грозная сила в конце первой половины XVI века двинулась лавиной на берега родного ей Дона и своим внезапным появлением обескуражила, смутила и навела страх на весь мусульманский мир.

Малолетство царя Иоанна IV Васильевича было временем господства князей и боярства. Связь донских казаков с Москвой во время боярского правления не прекращалась. Они продолжали сопровождать послов между Москвой и Крымом, и поддерживали церковную связь с епископом своей епархии Крутицким.

В сторону Казани и Поволжья верховые казаки имели сильную заставу, существовавшую ещё со времени Батыя, получившую название впоследствии «волжских казаков». На Переволоке между Доном и Волгой, в сторону Большой Ногайской Орды и Астрахани, находилась ещё одна постоянная застава.

В крымских генуэзских колониях, Кафе и других, а также в их окрестностях тоже были казаки, выходившие на добычу в Поле и нападавшие на татарские улусы. Интересно, что и крымские военные отряды частично состояли из тех же народов, от которых произошли

казаки. Так, в начале второй половины XVI века австрийский посол де Бусбек писал: «Многочисленные народы русов, черкесов, аланов, приняв нравы монголов, их одежду и даже язык, составляли части многочисленных войск крымских ханов...».

В XVI столетии кавказские черкасы, в отличие от днепровских и запорожских черкасов, между которыми в то время уже не ощущалось никакого родства, в русских исторических документах называются «пятигорскими черкасами». В первой половине XVII столетия у донских казаков и в документах московских мы встречаем названия: «кабардинские черкасы» и «кубанские черкасы». Исходя из наших прежних лингвистических находок, следует, что это, как и поднепровские черкасы, тоже были кочевники-асы? Похоже на то, особенно, если вспомнить, что территории эти также входили в состав земель обитания сарматов.

В польско-турецких отношениях такую же роль, как донские для Москвы, играли казаки днепровские. Заняв земли Дикого Поля, за которые Русь в течение многих столетий вела безуспешно борьбу с кочевниками, казаки продолжили эту борьбу, решив эти земли прочно держать в своих руках. Занимая территории, лежавшие между московскими, литовскими владениями и кочевниками, казаки не считались с политикой ни Москвы, ни Литвы, ни Польши, и их отношения с Турцией, Крымом и другими ордами строились исключительно на соотношении сил, беря на свой риск и ответственность успехи и неудачи этой постоянной борьбы. Казаки Днепра и Дона, не считаясь с установившимися дипломатическими сношениями Москвы и Польши с Турцией, вели самостоятельную политику в отношении турецких владений, напали на Крым, Астрахань и даже предпринимали рискованные морские походы на лёгких судах-«душегубках», переправляясь через Чёрное море и нападая на побережья Малой Азии. Нередко они возвращались из походов с большой добычей, но платили за неё своими головами, и добыча эта обходилась казакам очень и очень недёшево...

Самостоятельные действия казаков вызвали бурный протест Турции. Москва и Польша обвинялись в том, что подвластные им казаки нападают на владения Турции и всю ответственность за деятельность казаков турки относили на их счёт. Москва и Польша старались убедить Турцию, что казаки – «вольный народ», от них независимый и действующий по своей воле. И действительно, на границах московских и польско-литовских владений нередко происходили нападения как на московские, так и на крымские посольства, в чём с той и другой стороны обвинялись казаки.

V. Донское казачество

Донские казаки во время княжения Василия III не были объединены под властью одного атамана, верховое и низовое казачество были заняты устройством своих поселений и прочного обоснования на занятых ими землях. Связь с Москвой поддерживалась через епископа, отношения с московским князем определялись договорами, и только для известных целей. Постоянной службой донских казаков для Москвы было сопровождение послов и охрана безопасного движения официальных путешественников, проезжавших по землям, занимаемым казаками. Казаки получали необходимые средства вооружения от Москвы, но эти связи не обязывали казаков участвовать во внешних войнах в составе московских войск.

С границ московских княжеств к концу царствования Иоанна III на Дон и Терек ушло до 4 тысяч казаков. Большинство ушедших осели в пределах Хопра и Медведицы, и, присоединившись к жившим там, образовали «верховое казачество». Таким образом, в начале XVI столетия по течению Дона и его притокам образовалось два казачьих стана – низовых и верховых казаков. Первый стан имел центром Раздоры при слиянии Северского Донца и Дона, второй – Верхние Раздоры на Медведице... Одно из больших поселений расположено было на среднем течении реки Северского Донца.

Сто лет до своего исхода на Дон казацкие станицы выполняли пограничную сторожевую службу в Московском княжестве. Они стали здесь значительным фактором не только военным и экономическим, но и социальным. Теперь массовый уход казаков нарушал привычный строй в стране, но задержать их силой не всегда было возможно. Они возвращались домой на свою историческую землю и становились там желанными членами возрождающегося народа. Потому-то и установилось, как закон, правило «с Дону выдачи нет!».

На Тереке и Яике продолжали жить терские и яицкие казаки, а в пределах Литвы, по Днепру – приднепровские (или поднепровские, днепровские) казаки. Места расселения казаков в начале XVI века подтверждают то, что эти поселения существовали на этих местах и при ханах Золотой Орды.

На юго-восточных границах Московского государства расположились поселения независимых казаков, устроившихся на своих прежних местах и начинавших новую жизнь и новую историю.

По Хопру и Медведице, не покидая своих прежних мест, продолжали жить своей жизнью поселения донских казаков. Значительная группа казаков в нескольких городках жила на среднем течении Северского Донца. Но поселения были редки. Путешественники того времени описывают эти земли, как необитаемые. В 1514 году посол султана, князь мангунский, проезжая в Москву из Азака через донские степи, терпел голод и лишился коней, шёл до Ряжска пешком. Сведения путешественников о донских степях приводят к выводу, что Дикое Поле в то время было, действительно, необитаемым и никакого населения к югу от границ московских княжеств практически не существовало.

Посольские караваны в первой половине XVI века направлялись большею частью из Рязанского княжества первоначально рекой Доном, а затем сухим путём прямо на Азак, минуя восточный изгиб Дона в несколько сот вёрст, избегая столкновения с ордынскими казаками, господствовавшими на Переволоке. Этот путь считался наиболее безопасным и кратчайшим. Посол Коробов в мае месяце 1515 года видел на Северском Донце два отряда неизвестных людей, переправлявшихся с левой стороны на правую, и не попытался даже узнать, что это за люди и куда держат свой путь. Но это были не татары: последние заходили в эти места только для грабежа. Посольский же караван представлял для них богатую добычу. На Донце, за пять дней до Азака, рязанские казаки, сопровождавшие посольство, действительно встретили двух татар, а с ними «жонку-татарку да детинку татарин же» и «полонили» их.

Виденные Коробовым отряды были не кто иные, как казаки запорожские или севрюки, двигавшиеся уже в то время на Дон.

Верхнедонские казаки, уйдя с границ русских княжеств и устроившись на своих прежних местах, в пределах Хопра и Медведицы, стали очищать земли от ногайских орд, кочевавших между Волгой и Доном до устья Хопра. Части Ногайской орды, кочевавшие в этих местах, быстро были оттеснены в низовья Волги, ища спасения в переправе на восточный её берег. В 1519 году посол Голохвостов в своих донесениях московскому великому князю Василию III из Азака и Керчи сообщал, что ногаи, теснимые казаками, хотели перейти Волгу, но Астраханский царь их не пустил. Стиснутые с двух сторон, ногайцы были частью уничтожены, частью бежали в пределы Северного Кавказа. Пространства Червлёного Яра и среднее течение Дона казаками были очищены от кочевников и верховое казачество стало охранять эти земли от Астраханского ханства и Большой Ногайской Орды.

Низовые казаки, вытесненные из Азака и Таврии, тоже укреплялись на занятых ими землях и, чтобы обеспечить своё существование – вели непрекращающуюся войну против Крымского ханства и Турции, гарнизонами которой был занят Азак. А из Азака велось военное руководство и организация походов против московских владений и казачьих городков. Опасным соседом для казаков были и ногаи Малой Орды, кочевавшие в пределах Северного Кавказа, между Азовским и Каспийским морями.

В первой половине XVI века верховые (чиги) и низовые (черкаса) казаки имели своих отдельных атаманов. Военные усилия верховых казаков направлялись в сторону низовьев Волги, против Астрахани и Большой Ногайской Орды. Низовые главные усилия направляли в сторону Азака и Крыма, где находились их главные угрозы, и, кроме того, низовые казаки не оставляли надежды занять покинутый ими свой прежний этнокультурный центр – Азак, превращённый в турецкую крепость.

Историк Татищев, опираясь на утраченные ныне летописи, относил образование Войска Донского (из низовых казаков) к 1520 году. А это значит, что всего через два поколения после разгрома Тамерланом территории Подонья разрозненное казачество, выйдя из своих убежищ, сумело образовать свою республику.

Связь казаков с Москвой не прерывалась. Ряд причин заставлял московское правительство считаться даже с таким неприятным обстоятельством, как независимость Дона. Москва нуждалась в помощи казаков и потому поддерживала с ними сношения. Приходилось поневоле примиряться с существованием этих самостоятельных союзников – «федератов», признавать их права и обычаи, льстить их самолюбию, называя Великим Войском, принимать их послов с честью наравне с другими иностранцами и даже высылать им более или менее регулярно дары – «жалование». В-общем, казаки нуждались в материальной помощи Москвы, а Москва – в военной помощи казаков. В отношениях Москвы с Турцией и Крымом донские казаки играли очень значительную роль, поскольку располагались по Дону и в степной полосе. Нападения казаков на Крым сдерживали крымские орды от походов на московские земли, но вызывали страх и недовольство Москвы, что часто приводило к размолвкам с Доном.

Казачьи войска, расположившись в степной полосе, устроившись в укрепленных городках, управлялись выборными атаманами, при которых состояли совет выборных старшин, есаулы и несколько писарей, которыми велась вся переписка. Всё мужское население казачьих городков состояло на войсковом учёте, только оно и составляло казачье население и пользовалось правами Войска.

Сложившиеся представления, что в казаки принимался всякий сброд по порядку, установленному в казачьей общине запорожцев – «в Бога веруешь, перекрестись, вот и казак!», – никакого отношения к порядку зачисления посторонних в состав Войска не имели. Казачьи поселения как донских, так и днепровских казаков жили семьями, и население их пополнялось естественным приростом. Большая убыль, происходившая временами из-за военных потерь, заполнялась значительным приёмом в состав казаков людей, набравшихся со стороны. Но приём этот производился с большим разбором и требовал обыкновенно значительного времени пребывания зачисляемого среди казаков, а также поручителей среди казачества.

В царствование Василия III на границах московского княжества происходили частые нападения и грабежи, и казаки на обвинения в этих грабежах отвечали, что в Поле много всякого гуляющего народа, отвечать за действия которого они не могут. В Войсках казачьих существовала строгая дисциплина и за проступки виновные подвергались тяжким наказаниям. Действительно, хотя большая часть южных степей занималась казаками и находилась под их контролем, но в Поле бродило ещё много отдельных шаек татар, турок и ногайцев.

Из посольской переписки Василия III видно, что азакские и белгородские казаки, прежние «беловежцы», в первой половине XVI века после многих скитаний поселились в Северной области, где впоследствии стали известны под именем путивльских и белгородских «станичников» и под общим названием северских казаков или «севрюков».

Вот здесь-то и скоплялась до сороковых годов XVI века та грозная сила казачества, которая вскоре явилась на берега родного ей Дона и сделалась страшной для всего мусульманского мира. Начавшееся перед этим в литовско-польских областях гонение на православие окончательно оттолкнуло северское казачество от Литвы, и оно, усиленное днепровскими черкасами, стало медленно, но неуклонно продвигаться вниз по Донцу, где в лесистых и малодоступных

оврагах и балках, впадающих в эту реку, казаки всегда могли укрыться от внезапного нападения татарских отрядов. Дорога эта издавна была известна северскому украинному казачеству, по которой оно не раз «с дозором» спускалось до «Большого Дона».

Ко времени совершеннолетия царя Иоанна (Ивана) IV Васильевича (1550 год) среди донских казаков появляется ряд выдающихся атаманов, преимущественно низовых, усилиями которых, подчас кровавых, было достигнуто объединение разрозненных частей казаков (низовых и верховых) и установлены тесные отношения с московским царём. Но различия в характере и быте верховых и низовых казаков не были сглажены и после объединения их под властью одного атамана, а затем долгого пребывания в положении единого Войска. На характере двух казачьих частей сказывались не только политические, но и этнические особенности. Верховые казаки имели более тесное общение с населением славяно-русских княжеств и менее тесное – с татарами, кавказцами и прочими южными народами, что отражалось на их физических данных и на характере.

Границы донских казаков с московскими владениями остались те же, которые были у Сарско-Подонской епархии и проходили по рекам Хопёр и Ворона. Между границами московских владений и землями донских казаков лежали большие пространства пустынных земель, и связь поддерживалась только дозорами городских казаков, спускавшимися до пределов донских казаков. В значительно большем напряжении находилась часть низовых казаков. Ближайшей угрозой для них было Крымское ханство и Малая Ногайская Орда, кочевавшая между устьями Дона и Кубани.

Обмен послами между Турцией и Москвой продолжался. Безопасность путешествия между Крымом и Москвой составляла одну из первых забот Москвы и Турции. Пути из Крыма в Москву проходили – первый и главный – по течению Дона, через земли, занимавшиеся казаками; второй, которым велись все нападения крымцев, проходил из Крыма прямо на север, пересекая Северский Донец, где было расположено тоже одно из больших поселений донских казаков. Таким образом, безопасность движения в Поле могла быть обеспечена только казаками. В переговоры послов Москвы и Турции были привлечены казаки и были выработаны условия сопровождения посольств и их безопасного движения. Было условлено, что охрана в пути послов будет обеспечиваться вооружёнными отрядами турок, крымцев и казаков. Вопрос сводился к тому, где должна производиться передача: в низовьях Дона или в устье Хопра. Казачьи поселения находились в постоянной войне с Крымом, ногайцами и турками, а поэтому движение крымских и турецких вооружённых отрядов через их поселения до устья Хопра было неприемлемо. Поэтому местом передачи посольств было принято низовье Дона, на полпути от Азака к Нижним Раздорам. За свою службу казаки получали жалованье от Москвы и Турции. От Москвы казаки получали в виде жалованья часть недостающих предметов питания – хлеб, просо, пшеницу и предметы вооружения.

Для своей охраны московские послы брали с собой станицы казаков, сопровождавшие их в Крым, и случалось, что татары грозили казакам расправой и отправкой их в «Сарай», если они будут вмешиваться в посольские дела. Но угрозы оставались только угрозами, так как казаки сами нередко врываются в Крым и платили татарам тем же.

Наблюдение за степью и разведка лежали исключительно на частях городских и донских казаков, порядок службы которых определялся строгими уставами, разработанными в соответствующих приказах. После того, как вся полоса между Волгой и Доном была очищена казаками от Ногайских Орд и находилась под неусыпным казачьим контролем, владения астраханского хана были в полной безопасности с этой стороны и порывать с Москвой ему не было никакого резона.

Все казачьи городки, каждый в отдельности или близко один от другого расположенные, прочно укреплялись: обносились общим валом и рвами. На валах располагались пушки, которые им доставлялись Москвой. Деятельность казаков часто не совпадала с политикой Москвы,

что приводило к неприятным для той и другой стороны переговорам и переписке, но Москва никогда не прерывала связи с донскими казаками и донские казаки, несмотря на многие частые вмешательства Москвы в их внутренние дела, никогда не проявляли стремлений к разрыву с Москвой.

Глава 2. Завоевание Казанского, Астраханского, Сибирского ханств казаками и присоединение их к Московии (1546 – январь 1598 г.г.)

*Вся история России сделана казаками.
Недаром нас зовут европейцы казаками...
Русский писатель Л. Н. Толстой*

I. Дон – Москва: причины союзных отношений

Всё казачество Волги, Дона и Днепра в этот период времени сливается в один общий союз. Дон становится центром. На Дону как бы получился разнородный сплав из различных субэтнических элементов казачества, прошедших в течение предыдущих веков каждый свою историческую судьбу, но имеющий один общий корень от предков – народа ас. Ввиду этого типы казаков на первый взгляд кажутся довольно разнообразными, но при тщательном наблюдении, несмотря на это разнообразие, исследователь найдёт в них нечто и общее, выделяющее их из среды других народностей. Но это уже работа последующих веков – общинная жизнь, совместные походы, служение одной идее и прочее. В XVI же веке разнообразие это сказывалось резче.

Во внутренней жизни казаки сохраняли независимость от центральной власти: и атаман, и ближайшие его помощники выбирались общим голосованием. Все вопросы казачьей жизни решались на общих казачьих собраниях, носивших название «Войсковой Круг» у донских казаков, и «Рада» – у днепровских и, в будущем, – кубанских. Однако попытки ущемления и подчинения казаков власти Москвы, называемые «политикой расказачивания», упоминаются в исторических документах уже в XVI веке. Историк Соловьёв писал по этому поводу: «Казаки представляли собой более древний этап развития общества по сравнению с земством, поэтому расказачивание в XVI – XVIII веках – это естественный закономерный процесс».

Установившийся порядок общего равноправия и деятельности общеказачьих собраний большинство историков объясняют заимствованным у новгородцев, которые в большом количестве влились в казачью среду. (Хотя и в среде новгородцев от разных времён присутствовали те же казачьи элементы). С развитием внутренней жизни система общих собраний должна была отживать и принимать формы, более отвечающие новым условиям. Но казаки прочно держались веками сложившейся системы войсковых Кругов и Рад, общеказачьи собрания служили для них символом их свободы и равноправия.

Система общих собраний была трудно осуществимой уже в XVI веке и на войсковых Кругах донских казаков, собиравшихся в пределах нижнего течения Дона, – в Раздорах – отсутствовали казаки верховых станиц, общие вопросы решались без их участия. Общие казачьи собрания, как и собрания новгородцев, происходили часто при бурных спорах, нередко приводивших к вооружённым схваткам, что также вело к неизбежности в будущем, если бы самостоятельность казачьих территорий сохранилась, устройства более устойчивой формы внутреннего управления, что и попытался в следующем столетии претворить на практике гетман Запорожья Богдан Хмельницкий.

Казаки ощущали недостаток в военных припасах, предметах питания и нуждались в моральной и вооружённой поддержке союзников в борьбе с южными противниками-мусульманами. Помощь, которой пользовались казаки от Москвы, это – порох, свинец, хлеб, сукно,

деньги. С расширением границ московских владений влияние Москвы становилось более значительным. Казаки должны были считаться с положением, делать уступки своей независимости.

Казачьи городки подвергались частым нападениям и в борьбе с кочевниками несли большие потери. Количество боевого состава донских казаков в XVI веке было около 20 тысяч. Из этого количества в самостоятельные походы или в составе московских войск уходило не больше 2/3, а одна треть оставалась на Дону для защиты своих земель и для замены полков после пребывания их в походе. В 1546 году путивльский воевода князь Троекуров донёс царю, что казаков на Поле много, и «черкасцев, и киян и твоих государевых, – вышли на Поле из всех украин».

Малолетство царя Иоанна IV Васильевича (с 1547 года) было временем господства князей и боярства. Связь донских казаков с Москвой во время боярского правления не прекращалась. Решающая роль среди донских казаков принадлежала части низовых казаков. Положение это установилось со времён господства монголов. Низовые казаки несли службу при ханах и имели организованное для этой цели управление, находившееся в их центре – Азаке. Положение это низовыми казаками ревниво поддерживалось, и они предъявляли требования даже в более позднее время к московским царям, чтобы в переписке на первом месте писалось не верховым, а низовым казакам. Низовые казаки имели большее значение и в сношениях Москвы с Крымом и Турцией.

Донские казаки вернулись на Дон после вековых странствий, как на свою землю. Здесь они не могли довольствоваться одними зимними стоянками или оборонными кошами. Семьи, дети требовали хотя бы примитивных удобств. И их родовые общины оказались достаточно многочисленными и сильными для того, чтобы построить и оборонить свои укрепленные поселения. С этих пор население Дона стало непрерывно пополняться казаками с севера, остатками черкасов-казаров с кавказских предгорий и черкасов-чёрных клобуков с Днепра. В 1549 году ногайский мурза жаловался московскому князю, что донские казаки, подвластные Москве, в трёх-четырёх местах построили новые городки, грабят его людей, а многих убивают.

Совершенно очевидно, что донские казаки появились здесь грозной сомкнутой колонной опытных воинов. Не успев как следует обжиться в новых городках, они повели энергичное наступление на соседние области павшей империи ханов. Мощные своей организованностью и неустрашимостью, они в приморских владениях султана в два года опрокинули полувековые турецкие порядки. Находили они также время и силы для помощи московскому государю в его борьбе с общим врагом – ордынцами.

Вернувшись на Дон к 1549 году целым племенем, усиленным притоком казаков белгородских, азовские казаки также сразу же предъявили свои права на Азак. Ногайский князь Юсуф шлёт в Москву одну жалобу за другой на чинимые ему казаками обиды: «В нынешнем (1549) году наши люди в Москву шли для торгу, а осенью, как шли они назад, ваши казаки севрюки, которые на Дону стоят, пришли на них [...] и куны их взяли».

При окончательном возвращении с Северщины на Дон, казаки принесли с собой и не забытое ими своё племенное имя аzmanов (сары аzman), что есть искажённое «асыаланы» (Губарев). В следующем письме к царю, в 1550 году, ногайский князь Юсуф объясняет, что торговый путь из его улусов в Москву обещан быть свободным, а вышло напротив: «Холопи твои, некто сары-азман словёт, на Дону в трёх и в четырёх местах города поделали, да наших послов и людей наших, которые ходят к тебе и назад, стерегут да забирают, иных до смерти бьют. [...] Если ты тех разбойников, что на Дону живут, к нам пришлешь или изведешь, то будет знаком дружбы; а нет, то не будешь союзник»... Потом прибавил: «...этого же году люди наши, исторговав в Руси, назад шли, и на Воронеже твои люди – сары-азманом зовут – разбойник твой пришёл и взял их».

Вслед за этим Юсуф новой грамотой упрекает царя: «Дружба ли то, что на Дону твои холопы, сары-азманом зовут, наших послов и гостей разбивают и грабят».

Царь Иван политично отвечал: «Те разбойники, что гостей ваших забирают, живут на Дону без нашего ведома, от нас бегают. Мы не один раз посылали, чтобы их переловить, да наши люди добыть их не могут. Вы бы сами велели их переловить и к нам прислали, а мы приказали бы их показнить. Гостию ваших в своей земле мы бережём, а дорогою береглися бы они сами. Тебе известно, что на Поле всегда лихих людей много разных государств, и тех людей кому можно знать: нам гостей ваших беречь на Поле нельзя, а бережём и жалуем их в своём государстве».

Вся эта переписка относится к тому времени, когда Иван IV деятельно готовился к походу на Казань и склонял к тому союзника своего, сильного ногайского князя Юсуфа, а потому двусмысленные и уклончивые ответы на жалобы Юсуфа говорят сами за себя. Царь в своих ответах был прав только в том, что утвердившиеся на Дону казаки действительно ни ему, и никому другому не подчинялись, да едва ли он знал и силу их.

Для покорения Казани требовались хорошо вооружённые силы и твёрдая руководящая власть. Кроме того, война против Казани связывалась непосредственно с Крымом и Турцией, со стороны которых она могла иметь военную помощь. Производя основные реформы внутреннего управления и вооружённых сил, царь установил связь с донскими, гребенскими и яицкими казаками. Он учёл их географическое расположение и предложил договор, отвечающий интересам обеих сторон. От московского царя была дана гарантия неприкосновенности земель, занимаемых казаками, их независимости во внутренних казачьих делах, материальная помощь военным снабжением, недостающими средствами питания и денежным жалованьем. Казаки обязывались царю военной службой, не принося ему присяги.

Ко времени совершеннолетия царя Ивана Васильевича среди донских казаков появляется ряд выдающихся атаманов, преимущественно низовых, усилиями которых было достигнуто объединение разрозненных частей казаков. Но на отношениях двух казачьих частей Дона (черкаса и чиги) сказывались их этнические признаки, что отражалось не только на физических данных, но и на характере и быте. Различия верховых и низовых казаков не были сглажены и после объединения их под властью одного атамана и долгого пребывания в положении единого Войска.

Пограничные с Московией реки Хопёр и Ворона становились глубоким тылом донских казаков, здесь начинали строиться монастыри и пристанища для престарелых казаков и инвалидов, которые после долгой и тяжёлой боевой жизни на старости лет находили приют и отдохновение.

Ко времени похода на Казань её ханом был ставленник Крыма, астраханский царевич из рода Менгли-Гиреев. Он занял ханский стол по просьбе казанцев, изгнавших ставленника Москвы хана Шиг-Алия. После неудачного последнего похода под Казань Ивана Васильевича в 1550 году, при отходе войск, русскими была построена крепость в устье реки Свияжи, в которой был оставлен гарнизон войск, а по рекам Каме, Вятке и Волге были поставлены казачьи сторожи для наблюдения, чтобы «воинские люди из Казани и в Казань не ходили». Горские черемисы, перешедшие было на сторону Москвы, снова отделились. Против них послали городовых казаков, но казанцы отряд этот разбили и убили до 70 казаков, а часть их взяли в плен, забрав их пищали. Но крепость Свияж всё же служила выдвинутой в сторону Казани военной базой. Пути между Казанью и Крымом находились под наблюдением донских казаков.

В 1551 году сам турецкий султан Солиман спешно, через нарочитого гонца, писал ногайскому мурзе Измаилу так: «В наших магометанских книгах пишется, что пришли времена русского царя Ивана: рука его над правоверными высока. Уж и мне от него обида велика: Поле всё и реки у меня поотымал, да и Дон у меня отнял, даже и Азак-город доспел, до пустоты поотымал всю волю в Азаке. Казаки его с Азака оброк берут и не дают ему пить воды из Дона.

Крымскому же хану казаки Ивановы делают обиду великую, и какую срамоту нанесли! Пришли Перекоп воевали. Да его же казаки ещё какую грубость сделали – Астрахань взяли; и у вас оба берега Волги отняли и ваши улусы воюют. И то вам не срамота ли? Как за себя стать не умеете? Казань ныне тоже воюют. Ведь это всё наша вера магометанская. Станем же от Ивана обороняться за один. Вы ведаете, что теперь в Крыму мой посажен хан, как ему велю, так и сделает. По просьбе Астрахани тоже пошлю царя; да и казанцы ко мне присылали же просить царя; и я из Крыма непременно посылаю его. Ты б, Исмаил-мурза, большую мне дружбу свою показал: помог бы Казани людьми своими и пособил бы моему городу Азаку от царя-Ивана казаков. Станешь пособлять – и я тебя в Азаке царём поставлю, мне же помочь городу неудобно, находится далече».

Исходя из написанного, казачество на Дону в это время представляло уже серьёзную силу. Это подтверждается и другими историческими актами.

* * *

Иван IV деятельно готовился к покорению царства Казанского со всеми подвластными ему землями, населёнными беспокойными и мятежными народами: болгарами, черемисами, мордвой и другими. Используя ситуацию себе на пользу, казачество лавиной двинулось со всех украин на Дон и в самое короткое время овладело его берегами от Азака до верховьев.

В то же время, прельщённые грамотой турецкого султана Солимана, ногайцы волновались. Лишь один Юсуф, не желая терять торговые сношения с Москвой, оставался верен давнишнему союзу с ней и лишь продолжал жаловаться на обиды от казаков. Мелкие же мурзы вооружались и готовились на защиту Казани. Но вольное казачество Волги и Дона, умевшее проникать в самые сокровенные замыслы неверных, держало их в покорности, а потому они и не могли оказать существенной помощи своим единоверцам. На Волге известен атаман Барбоша, гулявший и «мешавший» татарам. Казачество в то же время зорко следило за движениями и крымцев, и астраханцев и старалось своевременно предупредить московского царя о готовящейся опасности.

Подготовка московских войск для похода на Казань стала известна и казанцы отправили послов в Крым с просьбой о помощи. Послы казаками были схвачены, побиты, а ярлыки их были отправлены в Москву. Но в Крыму, однако, узнали о готовящемся походе московских войск на Казань и крымский хан Девлет-Гирей двинулся (1552 год) к московским границам. От донских казаков было получено в Москве донесение об этом. В результате Девлет-Гирей был разбит под Тулой и поспешно бежал из Московии, преследуемый казаками. После этого московские войска уже безбоязненно двинулись в сторону Казани. Перед этим Иван IV на всякий случай послал на Волгу из украинских городков казаков для удержания от возможных набегов враждебных ногайских мурз, что очень беспокоило Измаила Мурзу, сторонника турецкого султана.

Всё днепровское казачество, узнав о бесповоротном решении православного московского царя воевать Казань, встрепенулось и также двинулось под Казань на помощь русским и донцам, вооружённое саблями, копьями и пищалями. Донское казачество двинулось под предводительством своего атамана Сусара Фёдорова, оставив часть вольных сподвижников на берегах Дона для защиты от вероятного нападения турок, крымцев и астраханцев. Вот как описывает этот поход генерал Ригельман в своём «Повествовании о Донских казаках» (сокращённый пересказ):

«Зная, что русские московского царства держатся такой же «греческой» веры, как и сами казаки, а татары – веры магометанской, донцы решили оказать помощь московскому царю. Атаман отделил часть казаков и послал их к устью Дона с тем, чтобы они настреляли там как можно больше птиц-баб, которые тогда бесчисленными стаями обитали в гирлах реки, и, собрав с них перья, доставили их для украшения и убранства боевых костюмов казачьего войска. Украсив с головы до ног птичьими перьями каждого казака, атаман повёл донцов к Казани.

К городу казаки подошли ночью и, раскинув свой стан в виду русских войск, развели костры. Как только запылали казачьи костры, в царском войске сейчас же обратили внимание на пришельцев. Фантастичность одеяния казаков, резко подчеркиваемая среди ночной тьмы огнём костров, не на шутку испугала воинов русской рати. Доложили царю о приходе каких-то «чудовищ».

Царь послал одного из бояр разведать, что это за люди, откуда и зачем пришли и куда идут? Боярин направился к стану казаков, но чем ближе подходил к ним, тем чуднее и страшнее казались они ему. Он не только не расспросил их, как велел царь, но даже не дошёл до них, убежав со страху назад в свой стан.

Разгневанный трусостью боярина, царь приказал ему сейчас вернуться назад и исполнить приказание в точности.

Снова пошёл боярин. Не доходя до казаков, он издали крикнул им: «Люди ли вы или привидения?».

В ответ ему раздалось: «Люди! Русские вольные люди, пришедшие с Дону царю московскому помогать взять Казань и за дом Пресвятыя Богородицы свои головы положить». Обрадованный боярин поспешил назад с радостною вестью к царю».

Казань была сильною крепостью и оборонялась гарнизоном в 30 тысяч человек. К востоку от Казани был густой лес и среди этого леса в 15 километрах от города казанцами была построена крепость, служившая базой для 20 – 30-тысячного конного корпуса под начальством татарского князя Епанчи, задачей которого было нападать на тылы осаждающих московских войск. По северной окраине Казани протекала с востока на запад река Казанка. Перпендикулярно к ней, пересекая Казань, протекала небольшая с болотистыми берегами речка Булак. Западная часть между Казанкой и Булаком была занята сторожевым полком и полком левой руки. Северо-восточная часть между Булаком и Казанкой была занята регулярным полком, стрельцами и частью казаков. Северную сторону, вдоль реки Казанки заняли полк правой руки и 6 тысяч казаков. Наличие донских казаков в рядах московских войск под Казанью подтверждается официальными московскими актами и сведениями из записок самого активного участника осады Казани – князя Курбского. Московские войска, обложившие крепость, должны были строить успех на осаде и штурмах, а в то же время принимать меры к отражению нападений с тыла конницы Епанчи. Московские войска приступили к осаде. Перед крепостными стенами стали устанавливаться туры из хвороста, наполненные землёю. Под прикрытием туров казаки и стрельцы стали приближаться к стенам крепости и под огнём держали крепостные стены.

Чтобы противодействовать осадным работам, казанцы делали вылазки, удачно отражавшиеся осаждавшими. На стены Казани ежедневно поднимались шаманы и производили на глазах московских войск волшебные ритуалы, призывая гнев богов на головы осаждавших. По окончании осадных работ поднялась страшная буря, сорвавшая все палатки, в том числе и царскую, разбросала и потопила много судов с запасами, уничтожила продовольственные склады. Московские войска в этом бедствии увидели волшебство шаманов и, сознавая своё бессилие бороться против их чар, отказывались продолжать осаду. Так же думали и более просвещённые люди, о чём пишет в своих записках князь Андрей Курбский.

Из Москвы была привезена Чудотворная икона Божьей Матери, перед которой совершались молебствия для противодействия шаманам. Осада продолжалась. На северном участке князя Курбского, занимаемого частью донских казаков, был обнаружен подземный ход, по которому казанцы доставляли в крепость воду. Был вызван «розмысл» (специалист по подрывному делу), сделали подкоп и тайный ход был взорван. Крепость была лишена водоснабжения.

Казанцы упорно сопротивлялись, из крепости производили вылазки, согласуя их с нападением извне конницы хана Епанчи. Против Епанчи был выслан сильный отряд. Его крепость была атакована, татары разогнаны, окрестности Казани были очищены от конницы татар.

К сентябрю начались подрывные работы для взрыва крепостных стен. Готовились три подкопа. Свозилась земля для завалки крепостного рва. 2 октября татарам предложено было капитулировать, но они отказались. Был произведён первый взрыв у Арских ворот. Стрельцы и казаки забросали ров хворостом и землёй и пошли на штурм.

Главный штурм был назначен на восточном и юго-восточном секторе. Штурмующие полки развёртывались в три линии. В первой линии шли казаки и части боярских детей и дворян, разделённые на сотни. Во второй – главные силы, и в третьей – силы поддержки. Сигналом начала штурма должны были быть взрывы крепостных стен. На восходе солнца был произведён первый, а потом второй взрывы. После разрушения части городской стены казаки ворвались в город, где и завязался у них горячий бой с татарами. Вслед за казаками ввёл свои войска в город и царь. Но часть войск бросилась грабить, татары оправались, перешли в наступление и стали теснить ворвавшиеся войска. Требовалась помощь. Царь двинул половину своего резерва. Сопротивление было окончательно сломлено.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.